

6 способов косвенного выражения смысла

И. Б. Шатуновский

Существуют разные способы косвенного выражения смысла. Целью настоящей статьи является описание и систематизация основных из этих способов. Это: (1) косвенные речевые акты (КРА), (2) компрессированные цепочки речевых актов (КомпРА), (3) потенциально компрессированные цепочки речевых актов, (4) намеки, (5) двусмысленные высказывания, (6) иронические высказывания.

В случае КРА высказывание имеет производный смысл и производную, вторичную иллокутивную силу, которые основываются на его первичном (буквальном) значении и иллокутивной силе.

Компрессированные цепочки речевых актов следует отличать от (собственно) косвенных речевых актов. В случае КРА только производное, вторичное значение высказывания является релевантным в данном дискурсе. Первичное значение высказывания является только отправной точкой для производного значения и не присутствует в дискурсе. В случае КомпРА некоторые звенья дискурса опущены и должны быть восстановлены исходя из наличного высказывания для того, чтобы сделать дискурс осмысленным и связным, при этом значение этого наличного высказывания сохраняет свою релевантность в дискурсе.

Потенциально компрессированные цепочки речевых актов могут в зависимости от развития коммуникативной ситуации пониматься как высказывания, имеющие только первичный, эксплицитный смысл, или же как КомпРА, содержащие некоторое опущенное дискурсивное звено.

Намеки — это высказывания (или блоки высказываний), которые построены таким образом, что они имеют на поверхностном уровне две равно возможные интерпретации, при этом только одна из них по замыслу говорящего является подлинным смыслом данного высказывания.

Двусмысленные высказывания имеют две равно возможные интерпретации как на поверхностном уровне, так и на глубинном коммуникативном уровне: говорящий намерен передать два различных смысла адресату таким образом, чтобы до конца так и не стало ясным, какой именно из них имеется в виду.

1. Способы косвенного выражения смысла¹ в языке чрезвычайно разнообразны. Цель настоящей статьи — выделить, систематизировать и предварительно описать наиболее распространенные и наиболее общие их типы.

2. Одним из наиболее изученных способов косвенного (в некотором смысле) выражения смысла являются косвенные речевые акты. Заметим, что то, что называют косвенными речевыми актами, представляет собой внутренне неоднородную область. Необходимо различать здесь, по крайней мере, два принципиально разных типа «косвенных коммуникаций» (термин Тэк-Гю Хонга, 2003): собственно косвенные речевые акты (далее сокращенно КРА) и компрессированные цепочки речевых актов (КомпРА).

3. **Косвенные речевые акты.** Собственно КРА представляют собой, так сказать, речевые акты (РА) в «переносном значении». В таких случаях «прямое», исходное значение данного РА лишь мотивирует переносное, вторичное значение и как таковое в дискурсе отсутствует: *Ты почему до сих пор не спишь?* ≈ ‘иди немедленно спать’; собственно вопроса здесь нет, и для осуществления данного речевого действия вполне можно было просто сказать (хотя и с существенным изменением общего значения): *Иди немедленно*

¹ Здесь и далее термин *смысл* будет пониматься так, как он понимается в работах А. В. Бондарко (см., напр., Бондарко 2002, с. 102-103) и в обыденном русском языке (экспликацию этого понимания см. в Кобозева 2002).

спать!; *Не хотите ли чаю?* = ‘Я предлагаю вам выпить чаю’; *Где ключи?* — *Откуда я знаю?* ≈ ‘я не знаю’ и т.д.

Важное примечание: Необходимо отметить, хотя это и не является непосредственной задачей данной статьи, что, вопреки распространенному упрощенному представлению, значение КРА в большинстве случаев не сводится к выражению какого-то другого РА (с некоторыми коннотациями вежливости, резкости, эмоциональности и т.п.); очень часто (особенно это касается вопросов) это значение представляет собой гораздо более сложное образование. Так, *Ты почему до сих пор не спишь?* (как КРА, это высказывание может пониматься и буквально, как вопрос) означает нечто вроде: ‘Тебе давно пора спать, и ты должен сам понимать это, я выражаю свое возмущение тем, что ты, хотя и понимаешь это, не идешь спать, я побуждаю тебя немедленно идти спать’; *Где ключи?* — *Откуда я знаю?* ≈ ‘Ты спрашиваешь у меня, где ключи, предполагая, что я это знаю; но ты должен понимать, что я не знаю, где ключи, потому что у меня нет никаких источников информации об этом, поэтому с твоей стороны глупо спрашивать меня об этом’; Мужчина, представляется: *Мэлоун*. (фамилия). Девушка: *А имя у тебя есть?* (к/ф “Агент Мэлоун”. США) ≈ ‘скажи имя + когда представляешься, надо говорить и имя, ты этого не сделал, и это невежливо, я осуждаю тебя за это’.

(Собственно) КРА можно в свою очередь разделить на различные типы (подтипы, группы) в зависимости от (находящегося совсем в иной плоскости, нежели рассмотренный ранее) признака наличия, степени и вида идиоматизации (конвенционализации) (см. Ширяев 2001, с. 139-140; Sadock 1974). Между этими типами, впрочем, нет резких границ, поскольку конвенционализация (идиоматизация) происходит не скачкообразно, а постепенно (Sadock 1974, с. 158), что отражается на синхронном уровне в наличии непрерывной шкалы идиоматичности-неидиоматичности.

На одном полюсе этой шкалы находятся полностью конвенционализированные КРА (ср. Серль 1986, с. 201 – 204). Имея форму РА одного вида, они понимаются в значении другого вида РА. Такие РА и не могут быть поняты в буквальном, прямом смысле; отсутствует и живой коммуникативный вывод этих значений; значение этих КРА уже зафиксировано в языке за данной моделью. Прямое, буквальное значение этих РА только **мотивирует** их переносное значение, не более того. В любом языке есть свои схемы, или модели, подобных конвенциональных КРА: *Вы не могли бы передать мне соль?* ≈ ‘Передайте мне, пожалуйста, соль’; *Не будете ли вы так любезны передать мне соль? Вы не скажете, который час?* (просьбы); *Чаю не желаете? Что ты так рано встал?* — *Ну, где же рано?!* (≈ ‘это не рано’) *Уже 8 часов. Можно войти? Можете идти!* Иногда в таких РА уже закрепляется и лексический состав, давая в итоге идиому в квадрате — и как модель, и с точки зрения лексического состава: *Дай мне книгу.* — *А больше ты ничего не хочешь?*

Другой тип — это КРА, возникающие в речи по живым принципам коммуникативного вывода в соответствии с принципами речевого общения Грайса (Грайс 1985). Поскольку понимание их в переносном смысле зависит от ситуации и контекста, они могут в другой ситуации и в другом контексте пониматься и в буквальном, прямом смысле. Например: *Я спас вам жизнь, и теперь она принадлежит мне. Вы станете моим агентом* (к/ф “Тень”, США) — приказ через сообщение; аналогично, [учительница ученику:] *Завтра ты придешь с родителями;* [генерал офицерам:] *Завтра все офицеры ровно в 8 часов выходят на плац в парадной форме... / должны быть в 8 часов...* и т.д.; [мать ребенку:] *Ты почему до сих пор не спишь?* ≈ ‘иди немедленно спать и т.д.’ см выше; *Что я сделал им? За что они мучат меня? ... Что могу дать я им?* (Гоголь. Записки сумасшедшего) = ‘Я не знаю, что я сделал им и т.д.’² или ‘Я им ничего не сделал. Они мучат меня напрасно. Я им не могу ничего дать’. *Брось его! Зачем он нам нужен?* ≈ ‘Он нам не нужен’; *Когда вы, наконец, перестанете бить свою жену?* ≈ Перестаньте бить свою жену! (требование, с возмущением, + это давно надо было сделать, прекратить бить); *Какими же вопросами занимается риторика?* = ‘теперь мы рассмотрим, какими вопросами занимается риторика’. В свою очередь, в этой области «живых» КРА наряду с КРА, которые производятся по регулярным и продуктивным моделям, так сказать, иллокутивной деривации (как все примеры выше), возможно образование окказиональных КРА (которые, как и окказиональные слова, образуются вне существующих моделей или с нарушением этих моделей): *Не хотите ли вы вынести мусор?* — то ли странное предложение, то ли ненормальная просьба; [О. Бендер:] *Может быть, тебе дать еще ключ от квартиры, где деньги лежат?* (И. Ильф, Е. Петров. 12 стульев) — отказ подать деньги.

² В данной интерпретации во вторичном невопросительном употреблении вопроса происходит лексикализация и переход в коммуникативный фокус (ассерцию) пресуппозиции вопроса: ‘говорящий не знает ответа на свой вопрос’.

4. **Компрессированные цепочки речевых актов (КомпРА)** возникают в тех случаях, когда какое-то высказывание, являющееся тем или иным РА, **полностью сохраняя свое значение в данном дискурсе**, «запускает» коммуникативно-логический вывод некоторого имплицитного РА (или целого их ряда), возникающего в данном пункте дискурса. Ср. пример Серля (который он приводит как парадигматический пример КРА): *Let's go to the movies tonight 'Давай пойдем в кино вечером' — I have to study for an exam 'Я должен готовиться к экзамену'* (Серль 1986, с. 197-198). Для того, чтобы сделать ситуацию нагляднее, выразим отказ еще «косвеннее»: *Давай пойдем вечером в кино. — У меня завтра экзамен.* Конечно, здесь есть имплицитный **отказ** пойти в кино, но сообщение о том, что X должен готовиться к экзамену, сохраняет все свое значение и релевантность, выражая причину отказа: *У меня завтра экзамен* → 'поэтому я должен готовиться к экзамену, поэтому я не могу пойти в кино, поэтому я отказываюсь'. Из всей цепочки этой цепочки эксплицитно формулируется только одно звено: основание, причина, по которой..., остальное — выводится. Аналогично: *Я хочу пить* — '... поэтому дай мне напиток', *Вы стоите на моей ноге!* — 'сойдите...', *Спичек не найдется?* — *Не курю* = 'Я не курю, поэтому у меня нет спичек, поэтому я не могу их дать'; Роберт Чилтон лорду Горингу: *Артур, я умираю от жажды! ... Спасибо.* (О.Уайльд. Идеальный муж) = 'я умираю от жажды, поэтому дайте мне напиток'; "если герцог Барделло говорит своему дворецкому: *Здесь холодно*, он, скорее всего имеет в виду распоряжение закрыть окно" (Гордон, Лакофф 1985, с. 276); *Я там чай заварил / Там в холодильнике есть масло и сыр* — сообщение + предложение выводное: возьми, если (захочешь); *Может быть, подарим ему бритву?* — *Бритва у него уже есть!* — отказ от предложения подарить бритву, потому что... (основание). Как и в случае собственно КРА, в случае КомпРА наряду с более или менее продуктивными моделями компрессии (со стороны отправителя) / развертки (со стороны получателя) (такowymi являются все примеры выше), могут быть более или менее нестандартные, окказиональные варианты компрессированных цепочек: *Мне ключ брать? - Я буду дома* ['поэтому не надо брать ключ']; *Каша есть? - Сегодня воскресенье, золотой* — отказ с объяснением и осуждением спросившего: каши нет, потому что в воскресенье каши не варят, а сегодня воскресенье (+ а вам надо бы знать, что в воскресенье у нас кашу не варят). Часто эта нестандартность заключается в слишком сильной компрессии: *У вас кофе есть? — Платите в кассу 40 копеек* (пример Т.М. Николаевой) = 'Есть, он стоит 40 копеек, платите эту сумму в кассу'. В некоторых случаях возникают и более сложные образования, имеющие в своем составе КРА, включающийся как компонент в цепочку КомпРА. Например: *Дайте "Огонек". — А где вы видите "Огонек"?* (пример Т.М. Николаевой), где риторический вопрос (КРА) *А где вы видите "Огонек"?* «запускает» вывод компрессированной цепочки, и в целом ответ понимается ≈ как: 'Вы же не видите «Огонька», следовательно, его нет, поэтому я не могу дать вам его, и вообще прежде, чем спрашивать, надо посмотреть, что есть, на витрине (упрек, осуждение)'.

5. **Потенциально компрессированные цепочки РА.** Другой тип компрессированных цепочек РА — это такие РА, которые в зависимости от того, как конкретно, актуально развертывается ситуация, выражают только то, что эксплицитно сказано, или же «возбуждают» коммуникативную импликацию и производят «скрытый» РА, образуя вместе с ним КомпРА. При этом обе возможности сразу программируются говорящим. Например: *Есть здесь где-нибудь поблизости аптека?* Если аптеки нет, то это остается просто вопросом, но если есть, то вопрос уже подразумевает, имплицитно, по принципу максимальной кооперации (Грайс 1985), другой вопрос: 'Где она находится?' (см. Арутюнова 1976, с. 216). В целом вопрос прочитывается так: *Есть ли здесь где-нибудь поблизости аптека, и если, есть, то скажите, где она находится.* Многие из таких потенциальных КомпРА уже полностью или частично конвенционализировались, превратились в конвенциональные модели деривации потенциальных КомпРА, иногда и с устойчивым лексическим составом: *У вас нет спичек?* = '... Если есть, дайте' *Вы не сходите на следующей остановке?* — '... если нет, то пропустите меня'; *Вы не знаете,...*? — '... если знаете, скажите'; и т.д. Ср. шутовское обыгрывание окказиональной (вследствие чрезмерной компрессии) потенциальной цепочки КомпРА : *Было опрошено 100 участниц фестиваля. Из них на вопрос: Что вы делаете сегодня вечером после фестиваля? 92 ответили: Да.* (КВН, 14.2.1999, ТВ). Очевидно, что (якобы) отвечавшие на вопрос интерпретировали его как потенциально компрессированную цепочку, выводившую в итоге на приглашение: *Что вы делаете сегодня вечером после фестиваля? Если вы свободны, то я приглашаю вас куда-нибудь пойти со мной. Вы согласны / принимаете мое приглашение?*

6. **Намеки.** Особую область косвенной коммуникации образует обширное царство намеков. В статье Кобозева, Лауфер 1988 сделана попытка раскрыть специфику намека как одного видов из непрямых речевых действий, выявлены и описаны различные виды и способы «намекавания». Заметим, однако, что определение намека, данное в статье, не позволяет отграничить намеки от косвенных речевых актов и некоторых других косвенных способов выражения смысла. В качестве различительного (в этом отношении) признака намеков в работе рассматривается их «нетривиальность». Как представляется, этот критерий не является достаточным; можно привести примеры весьма нетривиальных косвенных речевых актов (*Не хотите ли вы вынести мусор?* как выражение побуждения в русском языке весьма нестандартно, хотя и вполне понятно) и

других косвенных способов выражения смысла. Так, когда Френсис Дрейк опускал палец в воду и, попробовав затем ее на вкус, говорил: *Вода соленая! Значит, это владения Британской короны*, то он весьма косвенно и нетривиально передавал смысл *Британия — владычица морей*. Но мы не можем сказать, что это был намек. Для намеков характерно весьма специфическое отношение между прямым, буквальным, и косвенным смыслом. В косвенных речевых актах один из смыслов (прямое значение) является только мотивирующей базой для косвенного смысла, при этом элемент дискурса, имеющий косвенное употребление, однозначно понимается как реализующий именно вторичный, косвенный смысл. В компрессированных цепочках речевых актов вообще нет какой-либо неоднозначности, эксплицитные и имплицитные компоненты объединяются в единый актуализованный в данном контексте дискурсивный блок. Отличительной особенностью намеков, как представляется, является то, что это такое дискурсивное образование, которое программируется говорящим как имеющее и сохраняющее — в аспекте их **интерпретации** адресатом — **двойной** смысл (эта мысль высказана в курсовой работе Эмилем Бургановым). При том, что с точки зрения замысла Г подлинной целью намека является доведение до А именно косвенного смысла. Если говорить точнее, то в случае интерпретации намеков имеет место динамическое «колебание» между возможностями буквальной и косвенной интерпретации, так и не разрешающееся окончательно ни в одну, ни в другую сторону. Задача говорящего в этом случае — создать такую дискурсивную единицу, которую можно было бы интерпретировать и так (в буквальном, прямом смысле), и этак (в косвенном смысле). В пункте намека возникает как бы «мерцающий» косвенный смысл, который то ли есть, то ли нет. Диалектика намека как особого коммуникативного приема заключается в том, что именно этот вторичный «мерцающий» смысл является (если он есть! но об этом известно только говорящему) подлинной целью намека, который строится именно для того, чтобы передать его. При этом возможность только прямой, буквальной интерпретации всегда в той или иной степени сохраняется. Сущность намека, в прототипическом случае нормального намека, в ситуации его реализации как раз и состоит в том, что для получателя высказывания так до конца остается неясным, является ли это намеком (уточнения этого положения см. ниже)³. Конечно, это знает сам говорящий (Г), но он не может указать это, поскольку тем самым он совершит иллокутивное самоубийство (Вендлер 1985), разрушив намек как неопределенный (для адресата / адресатов) в отношении подлинного его смысла акт. При этом, разумеется, целью Г является не намек сам по себе (исключение — шутливое, игровое употребление намеков, см. Кобозева, Лауфер 1988; Кобозева 2003, с. 18). Имеется некоторое общее свойство всех ситуаций употребления намеков, мотивирующее их использование: в виде намека подается то, что, будучи сказано прямо, может принести вред, ущерб Г (или адресату (А), а тем самым, опосредованно, и Г). Именно опасность, в самом широком смысле, от реальной опасности до опасности ущерба «лицу», репутации Г (см. Кобозева 2003, с. 20), связанная с высказыванием Р, заставляет подавать его в виде «проблематического» с точки зрения самого его наличия смысла. Передача (косвенного) смысла в виде намека дает возможность Г в любой момент «дать задний ход» и сказать: я этого не говорил, не имел в виду и т.п.

7. Двусмысленные РА (высказывания). Весьма сходны с намеками РА, которые мы будем называть **двусмысленными РА** (высказываниями). В случае намека имеется **подлинный** его смысл, который Г хочет довести до А. В случае двусмысленных высказываний, как и в случае намеков, имеются два сосуществующих в одном пункте дискурса смысла (прямой и косвенный, выводной) или два выводных смысла (когда собственно и только в прямом смысле, без его «достройки» с помощью имплицатур высказывание не может функционировать в данном дискурсе), однако в отличие от намеков ни один из этих смыслов не является привилегированным, основным с точки зрения намерения Г донести (именно) его до (нужного) А, интенция Г заключается в том, чтобы неопределенность в отношении того, как именно нужно понимать данное высказывание, сохранилась не только потенциально, но и по существу, чтобы А, поняв оба возможных смысла, так и остался до конца в неведении, какой именно из них имеется в виду. Например: Сальери: *Did my work please you?* — Моцарт: *I never knew that music like that was possible.* — Сальери: *You flatter me.* — Моцарт: *No, no! One hears such sounds and what one can say but: Salieri!* (“Amadeus”). Сальери: *Как вам понравилась моя новая работа?* — Моцарт: *Я не знал, что возможна такая музыка!* → ‘... такая прекрасная музыка’ или ‘... такая ужасная музыка’; Сальери: *Вы мне льстите.* Моцарт: *Нет, нет! Услышав такие звуки, остается сказать только одно: Сальери!* → ‘... Сальери всегда пишет замечательную музыку’ и ‘... Сальери всегда пишет отвратительную музыку’ (к/ф “Амадей”). Моцарт хочет, с одной стороны, быть вежливым и не огорчать своего коллегу-композитора, а с другой он, соблюдая морально-коммуникативный принцип искренности, хочет говорить правду, не хочет лгать. Поэтому высказывание (оба приведенных выше высказывания Моцарта) строятся таким образом, чтобы они могли быть интерпретированы двумя

³ Замечательным примером этого являются диалоги Ивана Карамазова со Смердяковым в «Братьях Карамазовых» Достоевского.

различными способами; при одной интерпретации высказывание является вежливым, отвечающим правилам речевого этикета, не рекомендуя говорить неприятную А-у правду (РА высокой оценки), при другой — правдивым (РА уничтожающей оценки). Аналогично, Чичиков Плюшкину: ... *Наслышась об экономии его и редком управлении имениями, он почел за долг познакомиться и принести лично свое почтение.* Заметим, что если в примерах из «Амадея» выше двусмысленность была «разлита» по всему высказыванию в целом, то в этом примере двусмысленность локализована в конкретном его элементе и связана с оценочной неопределенностью слова *редкое* (об управлении имениями). Чтобы получить законченный смысл, необходимый в данном дискурсе, необходимо конкретизировать оценку посредством коммуникативных импликатур; разные возможности конкретизации дают разные смыслы. Тем не менее, принципиального значения это не имеет: различия в данном пункте высказывания делают это высказывание двусмысленным по своему смыслу и коммуникативной цели в целом.

8. **Ирония.** Только тонкая грань отделяет оценочные двусмысленные высказывания от иронии. Такие высказывания становятся ироническими, как только их два смысла теряют равноправность и противопоставляются друг другу на разных уровнях интерпретации высказывания: положительный смысл становится поверхностным «кажущимся» смыслом, а уничижительный смысл отрицательной оценки становится глубинным подлинным смыслом.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976.
2. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики. М.: Языки славянской культуры, 2002.
3. Вендлер З. Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1985.
4. Гордон Д., Лакофф Дж. Постулаты речевого общения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1985.
5. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1985.
6. Кобозева И. М. Интенциональный и когнитивный аспекты смысла высказывания. Научный доклад ... на соискание ученой степени доктора филол. наук. М., 2003.
7. Кобозева И. М. Две ипостаси содержания речи: *значение* и *смысл* // Язык о языке. М., 2000.
8. Кобозева И. М., Лауфер Н. И. Об одном способе косвенного информирования // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1988. № 5.
9. Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. теория речевых актов. М., 1986.
10. Ширяев Е. Н. Семантико-синтаксическая структура разговорного диалога // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 132-147.
11. Тэк-Гю Хонг. Русский глагольный вид сквозь призму теории речевых актов. М.: Индрик, 2003.
12. Sadock J. M. Toward A Linguistic Theory of Speech Acts. N.Y., San Francisco, London: Academic Press, 1974